

В. Розанов

ИЗ ВОСТОЧНЫХ МОТИВОВ

Выпуск 1-3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В. Розанов
В11 Из восточных мотивов: Выпуск 1-3 / В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 94 с.

ISBN 978-5-458-10874-4

Розанов Василий Васильевич (1856-1919) - русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из самых противоречивых русских философов XX в. Петроград : 1916.

ISBN 978-5-458-10874-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Величайшая минута истории.

„Римская имперія“. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. Спб. 1900. — Юліанъ Кулаковскій. „Смерть и безсмертіе въ представленіи древнихъ грековъ“. Кіевъ. 1899. — Густавъ Флоберъ. „Салаambo“, романъ. — Ф. В. Фарраръ. „Соломонъ, его жизнь и время“. Спб. 1900. — „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ“. Исслѣдованіе проф. Олесницкаго. Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества.

Передо мною рядъ книгъ, частью только-что прочитанныхъ, частью давно составляющихъ любимое занятіе. Сборникъ г-жи Милюковой (667 стр.) составленъ въ меньшей части изъ русскихъ оригинальныхъ изслѣдованій и въ большей части изъ переводовъ новыхъ западно-европейскихъ трудовъ (въ отрывкахъ) и древнихъ памятниковъ. Тутъ возлѣ статьи проф. Герье „Августъ и установленіе Римской имперіи“ помѣщенъ переводъ открытаго и изданнаго Момзенемъ анкирскаго памятника „Res gestae divi Augusti“, — автобіографія Августа. Риторическій трудъ Фаррара не смѣетъ отрѣшиться отъ установившагося тона при изложеніи библейскихъ предметовъ; онъ вздымаетъ крылья, но не летитъ, не хочетъ остаться на мѣстѣ и остается на мѣстѣ. Знаменитый романъ Флобера даетъ кое-что, но въ общемъ преисполненъ олеографической мазни кровью и безчеловѣчной грубостью. Несравненно глубже всѣхъ превосходная работа профессора Кіевской духовной академіи Олесницкаго, реставрирующая въ мельчайшихъ деталяхъ скинію Ветхаго Завѣта и Соломоновъ храмъ. Но что эти труды передъ темою?! Она — безконечна. Величайшая минута истории — вотъ имя тѣхъ двухъ-трехъ вѣковъ, на которыхъ совершился переломъ отъ до-христіанской къ христіанской эрѣ. Историки пишутъ объ этомъ переломѣ изслѣдованія, романисты — романы; и даже публицисты берутъ изъ той эпохи краски на свою палитру. Знаемъ ли мы ее? Да, по памятникамъ. Понимаемъ ли? Едва ли.

Многіе ли, напримѣръ, знаютъ, что день 25 декабря, „праздникъ Рождества Христова“, когда мы такъ радостно спѣшимъ въ христіанскіе храмы и зажигаемъ восковыя свѣчи передъ темными ликами въ нихъ, установленъ и при-

нять былъ новою религіею какъ компромиссъ съ митріанствомъ и принадлежитъ собственно циклу вѣрованій этого звѣзднаго мидійскаго божества? У В. В. Болотова, недавно умершаго высоко-талантливаго профессора С.-Петербургской духовной академіи, есть изслѣдованіе: „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“. Попутно онъ входитъ въ величайшія детали календарнаго расположенія празднико́въ, и вотъ здѣсь, опять попутно же, входитъ въ сообщеніе факто́въ совершенной неодолимости для ранняго христіанства митріанскаго культа, — о томъ, что споръ „pro“ и „contra“ рѣшительно колебался, и при томъ не въ сторону христіанства; и когда, наконецъ, побѣда была вырвана у язычества, то чтобы что-то затушевать, скрыть, — чтобы принять въ себя и приписать себѣ главный митріанскій праздникъ возрождающагося Солнца, совершавшійся у язычниковъ-римлянъ 25-го декабря—это число декабря мѣсяца было принято христіанскими епископами, вождями борьбы, за „день Рождества Христова“. Признаюсь, прочитавъ это, я затрепеталъ. Точно я увидѣлъ кусокъ мяса или крови, еще живой и дымящейся, вырванный изъ столь давно минувшей борьбы. „Такъ вотъ какъ горячо было дѣло!“ ... Кто же не знаетъ и еще факта, что Константинъ Великій, уже давшій торжество христіанству, провозгласившій его государственною религіею, получившій чудесное знаменіе Креста Господня на небѣ, крестился всего за нѣсколько дней до смерти, какъ бы говоря всѣмъ этимъ: „оно восторжествовало въ имперіи, но не въ моемъ сердцѣ!“ Ибо когда легіоны, населеніе, чиновничество были христіанскими, когда уже собрался Никейскій соборъ и установилъ главное очертаніе церкви, что могло одинокою душою императора удержать отъ шага, политически столь нужнаго? „Антонинъ Пій воздвигаетъ храмъ Митры въ устьѣ Тибра, въ Остіи; при Маркѣ Авреліѣ статуя Митры появляется на Ватиканскомъ холмѣ, въ Римѣ, — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается храмъ св. Петра“, — пишетъ Жанъ Ревилль въ книгѣ „Римская религія во времена династіи Северовъ“. Да что такое „Митра?!“ Никто порядочно не знаетъ, не знаетъ внутренно и по существу. Когда читаешь изслѣдованія, поражаешься какимъ-то хламомъ суевѣрій, ни на одну минуту не останавливающимъ вниманія. Вниманіе останавливается исторіей постепеннаго введенія культа: его узнали впервые отъ морскихъ пиратовъ, разбитыхъ Помпеемъ; но отзывы „объ этомъ суевѣрїи“ такъ презрительны и пренебрежительны долгое время, въ теченіе приблизительно двухъ-сотъ лѣтъ, какъ только это могли бы дѣлать мы по тѣмъ лоскуткамъ извѣстій, какія дошли до насъ. Но потомъ что-то узнали о немъ. Что? — Невѣдомо. — Маркъ Аврелій — не чета разбойникамъ, его читаемъ мы, на него немного лѣтъ назадъ указалъ Толстой, какъ на величайшаго моралиста: и вотъ онъ воздвигаетъ Митрѣ алтари. Очевидно, мы чего-то такого не знаемъ, что зналъ Аврелій, что составляетъ въ культѣ Митры, — да и вообще въ язычествѣ, — главное, и, не зная о чемъ, мы, въ сущности, вовсе не понимаемъ кровь, жилы и нервъ

величайшей исторической минуты. Что такое было? Въ чемъ заключалось дѣло? Откуда борьба не только въ жизни, но, очевидно, и въ сердцахъ?!

Вѣдь мы какъ себѣ представляемъ эту эпоху и самый переломъ? — „Миръ утопалъ въ развратѣ; цезари пьянствовали, женщины распутничали. Мессалины, Мессалины и Мессалины; Неронъ; безсильный Тацитъ, жгучій Ювеналь. Приходитъ ап. Павелъ и проповѣдуетъ Распятаго. Свѣтъ побѣдилъ тьму“, — и Семирадскій, какъ и Сенкевичъ, получили сюжеты для своихъ талантовъ. Такъ ли было дѣло? Такъ ли оно просто? Не было ли тоски и дѣйствительнаго недоумѣнія? И тогда — въ чемъ оно?

Нѣтъ ли языческаго сейчасъ во мнѣ, въ вась, читатель, но чего мы не замѣчаемъ? Вотъ нить изслѣдованія, путь разгадокъ. И, проще всего, не проносимъ ли мы иногда слово „богъ“ или „Богъ“ съ такими отѣнками и въ такія минуты собственнаго положенія или окружающей насъ обстановки, когда рѣшительно нѣтъ повода вспомнить ту особенную проповѣдь, тѣ частныя указанія и конкретныя имена, которыя принесъ ап. Павелъ въ Римъ? Да, есть!

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка
.....
Тогда смиряется души моей тревога...
И въ небесахъ я вижу Бога.

Вотъ очень странное стихотвореніе! Если бы цензоръ, просматривая его, предложилъ автору прежде одобренія исправить послѣднюю строчку въ томъ смыслѣ, какъ проповѣдовалъ это ап. Павелъ, т.-е. что „и въ небесахъ я вижу Иисуса Христа“, то Лермонтовъ ужасно смутился бы, взялъ бы стихотвореніе домой, долго бы надъ нимъ думалъ и, наконецъ, рѣшился бы лучше вовсе его не печатать, чѣмъ сдѣлать поправку совершенно невѣрную относительно состоянія его души и предмета стихотворенія. Вотъ точное изображеніе приснопамятной борьбы. Богословія еще тогда не создано и не было религіозной системы; было одно Евангеліе: и сущность борьбы и заключалась въ томъ, чтобы вездѣ, гдѣ языческій міръ чувствовалъ душевную нужду назвать имя Божіе безъ точнѣйшихъ опредѣленій, христіане стали требовать, чтобы вставлялось конкретное и опредѣленное имя, называемое вездѣ въ Евангеліи. Мы за тысячу лѣтъ къ этому привыкли. Но вѣдь этой тысячи лѣтъ тогда не было. До сихъ поръ я помню обрывки пѣсни, производившей на меня впечатлѣніе въ дѣтствѣ; въ ней поется объ узникѣ, несправедливо ввергнутомъ въ темницу, и тутъ — картина ночи и часового подъ рѣшетчатымъ окномъ:

И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Стихотвореніе, конечно, плохо, потому что какъ же кроткая и блѣдная луна „горитъ“! Но вотъ послѣднія двѣ строчки, въ которыхъ авторъ-пѣвецъ успокаиваетъ узника:

Но есть на свѣтѣ Провидѣніе
И на святой Руси—отецъ.

Т.-е. на землѣ есть „царь“, а „въ мірѣ есть Провидѣніе“, которые не оставляютъ до конца несправедливости. Теперь, если бы въ заключительныхъ строчкахъ мы на мѣсто „Провидѣнія“ вставили или предложили поэту вставить: „потому что былъ, и умеръ, и воскресъ Иисусъ, сынъ Маріи, обрученной Иосифу“, то опять вышло бы недоразумѣніе, нежеланіе поправить и прямо невозможность поправки, раскрывающія страннымъ расхожденіемъ своимъ смыслъ древней борьбы. Была ли въ древности вѣра въ Провидѣніе? Несомнѣнно! Въ безсмертіе души? Конечно,—была сильнѣйшая вѣра, о которой говорятъ элевзинскія таинства и діалоги Платона. Знали ли древніе Творца міра? О немъ постоянно говорятъ Платонъ и Аристотель. Вѣра въ Бога была до такой степени сильна, что, напримѣръ, обращеніемъ къ Богу начинается знаменитая рѣчь „О вѣнкѣ“ Демосеена, а Платонъ кончаетъ молитвами многіе изъ своихъ діалоговъ, напр. „Федръ“. Можемъ ли мы представить Спенсера, который заключалъ бы молитвою „Соціальную статистику“ или „Книгу о воспитаніи“? Смѣшно объ этомъ спрашивать. Но если бы что-нибудь подобное случилось, то его бы назвали „святошей“. Между тѣмъ никакимъ насмѣшливымъ именемъ не обзывали древніе Демосеена и Платона, и, слѣдовательно, напряженіе вѣры какъ у свѣтилъ своего времени, такъ и у общественной массы, — прямо было въ концѣ язычества ярче, серіознѣе, такъ сказать — трагичнѣе, нежели у насъ сейчасъ, т.-е., во всякомъ случаѣ еще не при концѣ христіанства. Такимъ образомъ формула: „Міръ погибалъ, цезари пьянствовали, женщины развратничали, пока и т. д.“ — не имѣетъ никакого подъ собою фундамента, и мы просто не знаемъ: да что же такое совершилось тогда?

Собственныя имена боговъ древности, какъ и весь Олимпъ и Капитолій, не имѣютъ никакого значенія, что видно изъ легкости, съ которою они замѣняли Юпитера Митрою, а греки-Птоломеи, т.-е. поклонники Зевса и Геры, прийдя въ Египетъ, усердно реставрировали древніе храмы Озириса и Изиды. Можно сказать, что теизмъ челоѣчества раздѣляется на христіанскій и внѣ-христіанскій, при чемъ послѣдній вездѣ былъ одинъ, состоя изъ вѣры въ Провидѣніе, Творца міра, загробную жизнь и будущій Судъ надъ злыми и добрыми. Но это все входитъ и въ нашу вѣру, бесспорно, — однако, возникнувъ ранѣе ея. Борьба между христіанствомъ и внѣ-христіанскимъ теизмомъ и заключалась въ долгомъ недоумѣніи древняго міра, въ долгомъ его страхѣ: входятъ ли, — и какъ входятъ загробный Судъ, безсмертіе души, Всевидящее міровое Око, — въ краткій и тѣсный рассказъ, принесенный изъ Галилеи, который они знали не

подъ угломъ намъ извѣстнаго богословія, куда вошли всѣ эти древнѣйшія и обширнѣйшія вѣрованія, но именно какъ разсказъ о 33-хъ годахъ жизни, о распятіи и воскресеніи, объ опредѣленномъ Лицѣ и опредѣленной странѣ. — „А міръ?“ спрашивали они. — „Развѣ онъ безъ Творца?“ — „Развѣ мы, несчастные люди, безъ Провидѣнія?“ Сейчасъ и тогда на всѣ эти вопросы не могли отвѣчать христіане; на нихъ отвѣтили вѣрка христіанскаго мышленія, отвѣтили потомъ, отвѣтили позднѣе. И вотъ, какъ кажется, главная причина упорства древняго міра передъ исторіей изъ Галилеи.

Теперь оглянемся на себя. Извѣстно, какъ принимали новичковъ въ Запорожскую Сѣчь. Новичка приводили къ кошевому и тотъ спрашивалъ:

— Въ Иисуса Христа вѣришь?

— Вѣрю.

— И въ Пресвятую Богородицу вѣришь же?

— Вѣрю.

Удоставившись, что пришелшій не бусурманъ, а христіанинъ, кошевой повелѣвалъ его зачислить въ войско. Человѣкъ становился „казакомъ“, т. е. до извѣстной степени „рышаремъ креста и христіанства“. И мы всѣ на вопросъ: „Кто вы?“ отвѣчаемъ: „Христіанинъ“, а на дальнѣйшій объ этомъ вопросъ разъясняемъ:

— Мы называемся христіанами, потому что вѣримъ въ Иисуса Христа, Бога нашего.

— Бога?..

— Сына Божія.

Но вѣдь это колоссальная разница, ибо „Иисусъ, сынъ Маріи, обрученной Иосифу“, не покрываетъ, значитъ, и не исчерпываетъ теизма; онъ составляетъ только второй и средній моментъ его. И кто же знаетъ, въ остальныхъ $\frac{2}{3}$ теизма не вмѣстимо ли неопредѣленное чувство Бога у Демосеена и Платона, ихъ очень ясныя и до сихъ поръ доказуемая идеи, да и вообще не лежатъ ли тамъ, говоря историческимъ языкомъ, и „эллины и іудей“? Вдругъ, сразу, въ первомъ, второмъ и третьемъ вѣкахъ нашей эры, цивилизованному, старому и очень еще пламенно вѣровавшему міру, былъ предложенъ христо-теизмъ. Онъ отказался. Мы теперь, черезъ девятнадцать вѣковъ, знаемъ, что это есть $\frac{1}{3}$ полного теизма, но древнему міру онъ былъ предложенъ какъ весь и полный теизмъ. Онъ имѣлъ право отказаться. Вотъ чего не разобрали историки, всѣ не разобрали. Что же такое эти $\frac{2}{3}$ теизма?

Мы очень мало вдумываемся въ глубочайшую философію, скрытую въ нашемъ Символѣ вѣры, которую необычайно сжато сформулировали отцы Никейскаго собора, — такъ сжато, а для насъ и такъ привычно, что мы ее повторяемъ какъ дьячки, которые вмѣсто „Господи, помилуй“, сорокъ разъ повторяемаго, уже сливаютъ это въ какое-то гудѣніе: „би-ли-би-ли-Господи“.

Велико дѣйствіе привычки и — забвеніе, безпамятность, ею порождаемая. „Вѣруемъ въ Бога-Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимаго и невидимаго“. Чтò здѣсь не умѣщается? Чтò сказалъ бы древній міръ, если бы формула эта, изреченная церковью въ четвертомъ вѣкѣ, была предложена апостольскими учениками въ первомъ и второмъ вѣкѣ тому же Марку Аврелію, Антонину Пію, Александру Северу? „Въ это всегда мы вѣровали! О немъ — наши гимны, объ Отцѣ свѣтовъ, и даже въ тѣхъ словахъ, какъ вы говорите: „Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна“! Вѣдь нужно же что-нибудь понимать въ древностяхъ. „Міръ видимый и невидимый, феноменальный и трансцендентный, и въ центрѣ его какъ зиждитель — Богъ“, это есть альфа древней вѣры, которая безъ всякой перемѣны вошла въ первый членъ нашего Символа. Можно сказать, въ борьбѣ внѣ-христіанства съ христіанствомъ только и дѣлалось, что первый членъ Символа отстаивался отъ второго, пока на Никейскомъ соборѣ они согласовались и не найдена была міровая „эврика“. Но мы всѣ, до сихъ поръ мы всѣ, совершенно вопреки богумудрости отцовъ четвертаго вѣка, незамѣтно для себя впадаемъ въ отрѣзанный и обрубленный евангелизмъ, въ Христо-теизмъ; — и, ничего конкретнаго не соединяя съ Богомъ-Отцомъ, ничего въ мірѣ и въ себѣ не отыскивая, чтò относилось бы — по Символу „не сліянно“ — къ Нему, опять выходимъ изъ полноты собственной вѣры.

— Вы кто такой?

— Христіанинъ, т.-е. я признаю Богомъ Иисуса Христа.

Это, конечно, истинно, но не полно, — противъ Никейскаго Символа вѣры не полно, — представляя только второй членъ его. До чего забвеніе всеобщее, можно видѣть изъ примѣровъ Гете и Вольтера, которые рѣшительно отказывались понять „Троичность Единаго“, прямо смѣялись надъ этимъ, какъ надъ арифметическою невозможностью. И у насъ многіе смѣются, просто и чисто-сердечно не понимая. Между тѣмъ это не только понятно, но только это-то и понятно, т.-е. когда около Научителя высочайшаго нравственнаго закона поставлено Предвѣчное Око, блюдушее міръ, Свѣтъ свѣтовъ, Провидѣніе и Судія, угаданное, да и, наконецъ, опредѣленно почувствованное, хотя и различно наименованное, между Тибромъ и Ефратомъ, Ниломъ и Пропилеями, — между древнимъ Авраамомъ и до Константина Великаго.

До какой степени это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Кто изъ православныхъ, войдя въ католическую или протестантскую церковь, взялъ бы частицу св. даровъ и причастился? — Никто! — Перекрестился бы по-ихнему? — Никто же! — Они въ нашей церкви? — Тоже ничего бы не сдѣлали. Между тѣмъ вѣра въ Иисуса Христа, въ Бога-Отца, полное признание галилейскаго событія, принесеннаго на Западъ апостолами, у нихъ и у насъ одна. Рѣшительно — мы одной вѣры, мы „христіане“ всѣ. Читатель не знаетъ и въ высокой степени удивится, если я скажу ему, что въ Іерусалимскій храмъ Соломона, —

да, въ тотъ храмъ, гдѣ поучаль нашъ Спаситель, въ который входили пророки... въ храмъ этотъ входили и эллины, не какъ зрители, а для совершения нѣкоторыхъ низшаго разряда жертвъ и служеній. „Язычники допускались къ участию въ іерусалимскомъ культѣ, — отъ нихъ принимали всѣ жертвы по обѣтамъ и жертвы добротныя, такъ называемыя недавогъ и недаримъ, т. е. всесоженія, хлѣбныя приношенія и возліянія. Не принимались отъ язычниковъ только специальныя еврейскія жертвы — какъ жертва за грѣхъ, жертва отъ гноеточивыхъ и родильницъ“ (смотри всѣ исторіи Талмуда). Ученые вяло и сонно приводятъ эти факты, не падая со стула отъ страха: хотя вся причина упасть—есть. Ибо вѣдь это въ переводѣ на факты теперешней религиозной жизни говоритъ о такой близости язычества и іудейства, какой еще нѣтъ между католиками и православными, между лютеранами и католиками. Ибо фактъ таковъ, какъ-бы у насъ былъ обычай и слово: „Причаститься католику у насъ нельзя, а вынуть просфору и поставить свѣчку — можно“; или: „Нельзя пастора позвать служить нашу литургію, но позволить ему отпѣть панихиду по умершемъ — можно, справить молебень у него — можно же“. Между тѣмъ какъ вся сумма нашей психики и вся сумма совершившагося — и почувствованнаго, и дѣйствительнаго — раздѣленія между протестантизмомъ и православіемъ не допускаетъ этого! Такимъ образомъ, мы отъ лютеранина религиозно стоимъ дальше, чѣмъ аѳинянинъ стоялъ религиозно отъ кого-нибудь изъ колѣна Веніамина. Между тѣмъ „Веніамина отъ Веніамина“ есть немножко и наша („Ветхій Завѣтъ“), и этого мы не скрываемъ отъ дѣтей, учениковъ гимназій. Между тѣмъ не только отъ гимназистовъ, но и отъ ученыхъ скрыто, что черезъ это посредство „жертвъ грековъ въ іудейскомъ храмѣ“ мы имѣемъ что-то свое и въ Эллинскомъ Символѣ исповѣданія!! Какъ-же не упасть со стула, если есть живой умъ и воображеніе? Съ другой стороны, четвертый годъ мѣсяца издревле и сейчасъ называется у евреевъ „Таммузъ“, а это — имя самаго любимаго божества сиро-финикійскихъ городовъ. И пророкъ Іезекииль въ одномъ мѣстѣ жалуется: „О, еврейскія женщины! Вы сидите въ храмѣ и сплетаете одежды Таммузу“. Это смѣшеніе волнъ теизма вовсе было-бы невозможно, если бы суть его, отъ коего до насъ дошли щепень и камень, обломки обезсмысленныхъ надписей, не была подобна какъ бы четыремъ полостямъ нашего сердца, которыя въ разное время сжимаются, но черезъ всѣ ихъ бѣжитъ одна кровь, хоть въ разные моменты и разнаго цвѣта. Но мы показали, что и по-сейчасъ мы воздыхаемъ иногда языческими воздыханіями, и говоримъ въ стихахъ то, что могло бы безъ противорѣчія помѣститься въ сборникъ древнѣйшихъ восточныхъ гимновъ. „Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна“... Этотъ моментъ рожденія, рождаемости въ Божествѣ — опять это альфа теизма въ Геліополисѣ и Вавилонѣ.

Я люблю на Литейномъ, близъ Окружнаго суда, церковь, которой темносиній куполь усянъ золотыми звѣздами. О звѣздномъ небѣ ничего нѣтъ

въ Евангеліи, и это не есть евангелическая часть нашего теизма. Между тѣмъ я читаю у пророка Амоса (гл. 5) слова съ очень точнымъ наименованіемъ одного созвѣздія: „Кто сотворилъ семизвѣздіе и Оріонъ и претворяетъ смертную тѣнь въ ясное утро? Господь — имя Ему“, и въ слѣдующей главѣ какое-то странное упоминаніе, повидимому — о Скинїи Моисеевой, но съ удивительнымъ осложненіемъ: „Приносили ли вы Мнѣ жертвы и хлѣбные дары въ пустынѣ въ теченіе сорока лѣтъ, домъ Израилевъ? Вы носили скинїю Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, изображеніе котораго вы сдѣлали для себя“. — „Вотъ я вамъ, за ваши звѣздочки и луночки, и опахала, и цѣпочки на ногахъ...“ грозитъ Исаія еврейскимъ женщинамъ (гл. 4). Странно. Въ костюмъ одежды переходитъ нѣчто священное или бывшее священнымъ, по крайней мѣрѣ — у народа, столь ритуальнаго и въ одеждѣ, какъ библейскіе евреи. Да упоминаніе о „звѣздѣ“, изображеніе которой будто бы носилось евреями въ пустынѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія о священномъ трепетѣ евреевъ при воззрѣніи на звѣзды, „и на семизвѣздіе, и Оріонъ“. Между тѣмъ трепеть къ звѣздамъ есть часть, есть непремѣнная часть религій Фивъ и Вавилона. Я не знаю почему, но я трепещу при воззрѣніи на звѣзды, „умныя очи“, очи „изъ неба на меня“, и все мнѣ хочется прочесть тамъ мою судьбу, рокъ о мнѣ, — заботу Провидѣнія. Вѣрю, вѣрю съ поэтомъ:

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Т.-е. вѣрю жизни небесъ, что они — живутъ, что они — не холодны и что они суть именно „многоочитая“ одежда божества, „очи спереди и сзади и внутри и снаружи божества“, какъ ихъ описывалъ въ тайносказаніи Іезекіиль. Но эти звѣзды, и именно въ куполѣ храма, — я ихъ видѣлъ и срисовывалъ изъ атласовъ различныхъ экспедицій въ Египетъ. Ничего въ Евангеліи о созвѣздіяхъ; въ Египтѣ — онѣ всюду; и онѣ же на дорогахъ нашихъ церквахъ, но уже безъ памяти — откуда? какъ?.. Я говорю, древность не умерла; но, потерявъ имена, — вѣчною въ ней сутью она вошла въ суть нашего теизма... Ни эллины, ни іудеи ни умерли и не могутъ умереть.

„Я поклоняюсь святому чуду міра“ — кто меня остановитъ, если я такъ скажу? Между тѣмъ на Акрополѣ и въ Капитоліи, и въ Фивахъ, и въ Вавилонѣ и поклонялись, и умилялись, и лили слезы передъ „святымъ чудомъ міра“, и о немъ же задумался въ колебаніяхъ Константинъ, о немъ размышлялъ Маркъ Аврелій; его мы чувствуемъ всѣ сейчасъ. Чудо міра — въ смыслѣ недоступности для разумѣнія; но и еще далѣе и глубже — святость міра: ибо гдѣ же въ немъ не Богъ? Я поклоняюсь памяти святого; но еще я хочу поклониться изображенію его, хотя въ немъ нѣтъ его, а только связь моей памяти и точной съ него копій. Но также и никто меня не остановитъ, если я поклоняюсь звѣздѣ, какъ иконѣ Вѣчной Премудрости, какъ точкѣ касанія перстовъ

Божіихъ? Если снимокъ есть „образъ“, то „образъ“ есть и звѣзда, и „семизвѣздіе, и Оріонъ“. Вотъ какъ далеко все идетъ, и вмѣстѣ какъ просто! На одно недоумѣніе Пушкина Филаретъ отвѣтилъ прямо египетскимъ стихомъ, т.-е. вѣчною и вездѣ истинною, которая, однако, ранѣе всего почувствовалась и была прямо названа, формулирована въ Египтѣ. Пушкинъ затосковалъ, смутился, — петербургскій дэнди спросилъ въ уныніи:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

.....
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

Филаретъ отвѣтилъ, изъ души, изъ глубины своей души, не размышляя и сейчасъ же отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога намъ дана...

Какой краткій отвѣтъ! Съ какой радостью мы его всѣ слушаемъ! Но очнемся, откуда это? „Жизнь намъ“, увы, дается такъ же, какъ и каждой твари, и какъ въ цвѣткѣ дается жизнь растенію, и огромному баобабу, и едва видной травкѣ. Можемъ ли мы сказать о всѣхъ этихъ моментахъ дарованія жизни, что тутъ — „Богъ“ и „отъ Бога“? Мы вспоминаемъ лотосы въ египетскихъ храмахъ. Такъ неужели имъ вѣрить?! Филаретъ вѣрилъ. Не — „Богъ“, конечно, но — „жилище Божіе“; и какъ звѣзда есть образъ, такъ образъ же есть и цвѣтокъ — какъ еще другая точка касанія Божіихъ перстовъ. Не вездѣ одинаково это касаніе, „печать“ Божія не всюду одинакова: — есть точки избранныя, есть точки особенныя. Въ лицѣ нашемъ насколько „глазъ“ особеннѣе „остального!“ Онъ — точно въ лицѣ еще особенное лицо,

новое, глубочайшее, изнутри проглядывающее! „Сколько души“ въ глазѣ! „Сколько Бога“ — въ цвѣткѣ! Въ стеблѣ — его меньше; въ корѣ — совсѣмъ

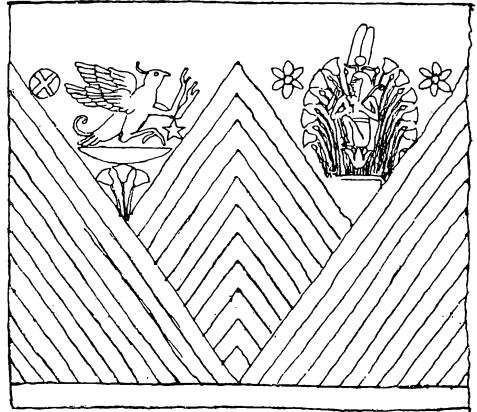

Рис. 1.

Рис. 1. Изображеніе на основаніи колонны храма въ Исне (Lato polis). Взято изъ 1-го тома, таблица 80, „Description de l'Égypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faits en Égypte pendant

мало; въ камнѣ — ничего. Камню я и не молюсь, тоже — корѣ; но о цвѣткѣ... все-таки могу сложить мистико-религіозную пѣсенку; и тоже — о звѣздѣ... „и семизвѣздіи, и Орионѣ“. Звѣзда и цвѣтокъ имѣютъ много богоприсутствія въ себѣ. Древніе такъ и говорили: — „Вы намъ проповѣдуете высшую мораль; но вѣдь еще есть трансцендентность, есть мѣръ-загадка, есть мѣръ-чудо: какъ это у васъ, въ какомъ положеніи?“ — Три вѣка и шель споръ. — „Вы должны любить и враговъ, а не однихъ ближнихъ: Онъ сказалъ“.

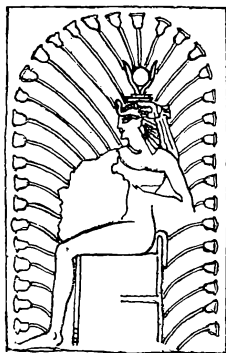

Рис. 2.

„Но что Онъ сказалъ о звѣздахъ и цвѣткѣ?“ — „и о Промыслѣ надъ звѣздою и цвѣткомъ?“ — „и о томъ, откуда въ цвѣткѣ и во мнѣ жизнь?“ Это совсѣмъ разные вопросы. Разную категоричность этихъ вопросовъ не уловилъ и Гете, не говоря ужъ о Вольтерѣ. „Правила поведения“ нисколько не есть то же, что загадка о силѣ „роста растенія“. Такой нравственности могъ научить только Богъ“, говорю я, читая Евангеліе, и не слушаю Ренана, отмечаю Штрауса. — „Но и такую прелесть могъ сотворить только Богъ“, — говорилъ древній, указывая на кувшинку въ прудѣ, образъ которой онъ перенесъ въ храмъ. Да, Богъ вездѣ... „въ видимомъ и невидимомъ“; онъ „видимо“ жилъ между нами 33 года; но гораздо ранѣ Ему же пять тысячъ лѣтъ молились какъ „Невидимому“ въ храмахъ, главная и всеобщая черта которыхъ была полное отсутствіе изображеній, иначе какъ въ аллегорическомъ смыслѣ.

Намъ хочется кончить мысль свою почти иллюстраціей. Извѣстно, что Соломоновъ храмъ былъ только развитіемъ, расширеніемъ Скинии Завета, планъ которой, при сокрытой мысли, данъ былъ Моисею на Синаѣ Богомъ.

l'expédition de l'armée française, publié par les ordres de S. M. l'Empereur Napoleon le Grand. Paris. MDCCCXII.

Египтяне вѣчно брали природу въ синтезѣ, а не въ анализѣ, чувствовали ея синтетическіе токи и направленія, а не разлагающе. Можно однако это принимать и такъ, что они „разнообразіе природы сводили къ единству“. Мысль остается одна и таже въ обоихъ выраженіяхъ. Только эти люди природу не умерщвляли, какъ-бы „химіи они не предполагали и не предвидѣли самой ея возможности“. Безъ этого синтеза и влеченія къ нему, тайной радости о немъ, — не встрѣчается почти ни одного египетскаго изображенія.

Здѣсь мы имѣемъ: птичка подняла челоуѣческія у себя руки кверху, — въ восторгѣ и вмѣстѣ въ умиленіи, — какъ мы привычнымъ теперь для насъ жестомъ (но въ Египтѣ-то это было впервые и вновь) „всплескиваемъ руки“ или „подымаемъ молитвенно кверху“ (и что „молитвенно“ — объ этомъ говоритъ звѣзда передъ нею) — обратясь личикомъ къ челоуѣческой фигурѣ, сидящей на лотосѣ и окруженной лотосами расцвѣтшими въ перемежку съ уготовляющими мися къ расцвѣту (бутоны). „Роды“-ли это челоуѣка изъ цвѣтка, нѣтъ-ли, — но къ этому близко, тѣни этого носились передъ египетскимъ умомъ. Однако по присутствію бутоновъ мы заключаемъ, что птичка „такъ сложила ручки“ при зрѣлищѣ челоуѣка въ его рождающемся моментѣ.

Рис. 2 Рисунокъ взятъ съ таблицы 67-ой того-же изданія. Часть рисунка обломана, — и линія та, гдѣ „ребенокъ сосетъ грудь матери“. Синтезъ здѣсь выраженъ въ рогахъ коровы, объемлющихъ дискъ солнечный на головѣ матери. Все — какъ *adoratio* материнства.